

18+

В Я Ч Е С Л А В   К У Т У З О В

Мечтатель

Вячеслав Кутузов

Мечтатель

«Издательские решения»

Кутузов В.

Мечтатель / В. Кутузов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-678865-7

Андрей мечтает стать великим игроком. Он юн, талантлив и одержим футболом. Всё идёт хорошо, после академии он подписывает контракт с профессиональным клубом. Из-за травмы карьера его внезапно обрывается, но он не готов с этим мириться. Как далеко от действительности способна увести юношу его мечта?

ISBN 978-5-00-678865-7

© Кутузов В.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	7
III	10
IV	13
V	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мечтатель

Вячеслав Кутузов

© Вячеслав Кутузов, 2025

ISBN 978-5-0067-8865-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

моей маме

I

Ни на какое наслаждение не променял бы Андрей это состояние, которое он испытывал после тренировки. Наслаждение подчиняет, унижает волю, а в этом физическом изнеможении, напротив, чувствовался её триумф – тишина внутри, умиротворение, словно затих на время вечный спор между душой и телом; тело повержено, однако не всё: из колена доносился болезненный глухой стон, но к нему Андрей уже привык. Он вяло шагал к раздевалке, с трудом переставляя тяжёлые ноги по футбольному полю. Мокрая от пота футболка налипала на его тело. Бутсы он нёс в руке, шёл босиком и чувствовал, как под ногами мнётся трава, ощущал её приятный холод. Вместе с ним будто уходил на покой и этот жаркий день: только что скрылось солнце, сгущались сумерки, плавно остывал воздух. В голове Андрея всё крутился один момент из тренировки, где он ловко обыграл двоих и обводящим ударом послал мяч в дальний угол. Впечатление, которое, вероятно, останется для него главной мысленной усладой, пока на следующей тренировке его не затмит другое.

– Андрей! – вдруг послышался у него за спиной голос тренера.

Несколько лет назад тренер и сам ещё играл на хорошем уровне, а теперь, с ничуть неостывшей страстью к этой игре, тренировал команду. Его повадки, речь отличались необычайной живостью. Когда он доносил до игроков свои мысли и идеи, то возбуждённо махал руками и гримасничал; и вся эта импульсивность заключала в себе какое-то особое обаяние и действовала на игроков гипнотически.

– Как колено, мой хороший? – ещё не приблизившись к Андрею вплотную, крикнул он.

– Нормально... ну немного чувствуется... так... – застенчиво, как и всегда в разговоре с тренером ответил Андрей, отведя в сторону мокрые от пота волосы, прилипшие ко лбу и лезшие в глаза.

– Слушай, я же не слепой, я же вижу, что ты через боль играешь. И мы все прекрасно знаем, что ты умеешь, когда в порядке. Зачем себя мучаешь?

– Владимирович, два матча осталось. Я хотел доиграть сезон, потом заняться...

– Андре-ей, – перебил тренер, – ещё наиграешься! Тебе девятнадцать лет, всё впереди у тебя. Сколько уже: восемь месяцев прошло после операции?

– Да... чуть больше.

– Врач говорит, что ничего уже не должно беспокоить. Давай, мы в больнице договорились, завтра пройдёшь обследование. Посмотри, что там с твоим коленом.

Андрей хотел что-то возразить, но не стал и только молча кивнул.

– Чё ты нос повесил! – приобнял его тренер. – Я отлично тебя понимаю, сам таким был: молодой, сердце раскалённое, жизнь за футбол готов положить – всё это мне знакомо. Только ноги свои беречь надо, они тебя кормят. Новое колено в мясной лавке не купишь. – И, ободряюще потрепав Андрея за плечо, он подтолкнул его в сторону раздевалки.

II

Домой Андрей вернулся поздно. В кухне сидела мама, вся наружность её выражала что-то беспокойное. Обычно она тепло встречала его, обнимала, если видела к тому его расположение, но сейчас, даже не взглянув в его сторону, оставалась за столом и нервно мяла ладони. После разговора с тренером Андрей и сам был не в настроении. Он сухо поздоровался с ней и хотел уйти в комнату, но мама остановила его и попросила сесть за стол. Он нехотя вошёл в кухню, сел напротив и, не придавая значения её волнению, полагая, что оно вызвано какой-то ерундой, холодно спросил, что случилось. Она посмотрела на него строгим укоряющим взглядом, который казался неуместным на её добром лице.

– Мне звонили из института, сказали, что ты отчислен, – всё тем же неровным голосом произнесла она. – Сказали, ты там почти не появлялся.

Андрей сохранял вид безразличия, в глазах его промелькнуло даже что-то насмешливое. Он знал, что рано или поздно его выгонят, и теперь испытал даже некоторое облегчение, будто избавился от чего-то лишнего и мешающего.

– Что с тобой, Андрей? что ты всегда молчишь?! Сколько раз я говорила тебе, что ты должен получить образование, что это необходимо...

– Для чего необходимо? – с вызовом оборвал он её, будто давно ожидая случая коснуться этого места.

– Для нормальной жизни!

– Для какой? Как у всех: всю жизнь ходить на работу, которую ненавидишь! это нормальность?!

– Иногда это больше чем нормальность... – тихо сказала мама, приняв слова его на свой счёт. – Потом поймёшь.

– Никогда не пойму!

– Хорошо, не понимай... Посмотри, вон Кирилл: получил образование, теперь в Петербурге на хорошей должности.

Кирилл старший брат Андрея, отучившись, перебрался в Петербург и устроился там в крупную строительную компанию. И мама всем сердцем желала, чтобы Андрей последовал его примеру. Не от того, что профессия инженера-строителя казалась ей непревзойдённой и даже не от любви к Петербургу, а потому что в её представлении так выглядела правильная счастливая жизнь.

– Причём здесь он, я свою жизнь проживаю, а не чью-то! – раздражённо сказал Андрей.

– Да как ты не понимаешь, футбол твой может закончиться в любой день! Думаешь, я не вижу, что ты с коленом до сих пор мучаешься, все эти таблетки, уколы... Тебе же уже делали операцию... а что дальше?

Андрей отвёл глаза в сторону. Уже несколько месяцев он так настойчиво уверял себя, что с коленом его всё в порядке, что вот-вот боль исчезнет каким-то чудесным образом, в один миг, как по щелчку *чьих-то* пальцев. И этот вопрос: а что, если нет... что дальше? – который он до сих пор обходил стороной, теперь словно плетью возмутил в нём рой притаившихся опасений. На миг в его сознании вдруг обнаружилась та часть действительности, которую он так старательно от самого себя прятал: то, как часто он просыпался по ночам от боли, если нога во сне долго оставалась в согнутом положении, как без меры принимал обезболивающие препараты и, как мирно теперь с ними уживалась боль. Он сделал внутреннее усилие, чтобы прогнать эти мысли и не выставить наружу своего смятения.

– У всех так. Нужно время, чтобы нога окрепла после операции, – спокойно выговорил он, пытаясь успокоить маму и прежде всего самого себя.

– Не понимаю, о чём ты думал... – не слушая его, сказала она. – Говорил, всё хорошо на учёбе.

– Ну, значит так надо, на всё Его воля. Мне всегда было наплевать на эту учёбу, и ты это знаешь. Только из-за тебя поступил туда. Всё что я умею – это играть в футбол, это всё что у меня есть. И чтобы добиться чего-то, я должен тренироваться день и ночь, должен отдаться целиком. Я не могу растрчивать себя на что-то ещё.

Мама знала, что все попытки в чём-то переубедить его будут напрасны и только приведут к ссоре. Она уже давно утратила влияние на его образ мыслей: может, когда он ещё совсем ребёнком впервые пнул мяч или, когда в тринадцать лет покинул дом и уехал в академию обучаться футбольному ремеслу. Она больше не стала ничего говорить, поднялась и ушла в спальню.

Андрей хотел остановить её, чувствуя, что то, что он на самом деле хотел бы сказать ей, так и осталось пылиться на сердце, а то что высказал, было всё не то и глупо. Но из гордости и от обиды он промолчал. Сам он ещё долго просидел за столом, терзаясь чувством вины от того, что мучает мать, и одновременно с этим обвиняя её за то, что она не может его понять. Он же сам верил беспрекословно, что вскоре добьётся своего: проявит себя, выбьется наверх и через несколько лет будет играть в одной из сильнейших команд Европы и станет великим футболистом. Конечно, пункт о величии непременно! Разве кто-то мечтает о посредственном... Всё очарование мечты и таится в её бескрайности, куда способно ступить ещё не скованное страхами и предрассудками воображение. И Андрей ещё ребёнком полюбил свою мечту, оберегал и растил её, со всей детской наивностью поверив её обещаниям. Как сорняк разрасталась она в его сердце, вытесняя всё остальное, и теперь наполняла каждую пору, овладев всем его существом.

Когда Андрей ушёл в комнату, было уже за полночь. Он зажёл на столе свечу и встал на молитву. Перед сном он всегда старался помолиться, хотя бы кратко, несколькими словами в постели, но теперь испытывал сильную душевную потребность в долгой и усердной молитве. В эти минуты его юное лицо, ещё пылающее надеждами, страстью и верой в предстоящую жизнь, обыкновенно принимало умиленно-покорное выражение. Но сейчас, в тусклом свете огонька, оно имело строгий напряжённый вид и выглядело гораздо старше своих лет. Время от времени, устремив взгляд к маленьким иконкам, стоявшим перед ним на столе, Андрей тихим шёпотом проговаривал заученные молитвы или молился своими словами (последнее время всё о колене), каялся в прегрешениях, в том, что причиняет маме страдания, что горделив, благодарил и славил бога, и когда чувствовал, что произносит лишнее, выдумывает, а не достаёт из сердца, – крестился, кланялся и умолкал, стараясь удержать мысли в чистоте. Когда боль в колене становилась громче и перебивала молитву, он наклонялся к полу и переносил вес тела на руки, с одобрением встречая внутри это физическое притеснение, как что-то полезное для молитвы, что-то, что он мог отдать в ней. Время спустя свеча растаяла, и огонёк, державшийся до этого неподвижно, вдруг буйно затрепыхался, словно сопротивляясь своему исчезновению. Скоро он погас, и по комнате разлился сладкий медовый запах. Андрей перекрылся, поцеловал свой нательный крест и лёг в кровать.

Мысли одна за другой тут же полезли ему на ум, разоряя внутренний покой, установленный молитвой; и, всё блуждая по ним кругами, он ещё долго не мог уснуть. Вспоминая разговор с тренером, он подумал о завтрашнем обследовании: «что мне там нового скажут... опять эта болтовня медицинская». И ему припомнилась вся возня, через которую он прошёл ещё в самом начале, когда только травмировал колено: все эти метания от местного знаменитого врача, лечение которого не помогло, к другой знаменитости в соседнем городе, советы третьего, потом высмеивание назначений своих коллег ещё одним, молодым, амбициозным. Разногласия всех этих уважающих себя специалистов приводили Андрея в замешательство, и к нездоровому колену прибавились ещё беспокойные нервы. Он стал мнителен, начал много

читать о похожих травмах, дойдя до того, что изучил всю анатомию коленного сустава, какие бывают повреждения, их причины, лечение и т. д. и т. д. В результате, десятки инъекций, разные терапии, процедуры и несколько потраченных на всё это месяцев, всё равно не помогли избежать операции. «Разве мог я тогда повлиять на что-то? – спрашивал себя он теперь. – Сделать так, чтобы лечение с первого дня было эффективным? сделать какой-то единственно правильный выбор... А мог ли я вообще избежать этой травмы? Как?! я даже этого момента не заметил. Уже потом, после тренировки: растущая боль... Или это как-то там наверху распределяется, кому травма, а кому нет... и зачем? почему я? А если всё случай, следствие неверной мысли, неправильный выбор, неудачное движение не в ту секунду... тогда я сам причина», – заключил он. И тут же упрекнул себя за эту мысль и за своё неверие. «На всё воля божия!» – тихо произнёс он вслух и перекрестился. И стал думать о маме, о том, что она, наверно, тоже до сих пор не спит, думает о нём, и ей мерещится его несчастное будущее. На миг она представилась ему плачущей, и в груди у него что-то сжалось. Захотелось пойти к ней, просить прощения, сказать, чтобы она не переживала, что нужно только время, нужно немного потерпеть, и он непременно добьётся своего. И подобравшись к тому, что искусней всего умело рисовать его воображение, Андрей стал представлять, как именно это произойдёт. Чаще всего в этих грёзах он блистал в каком-то отдельном матче, после которого оказывался на устах всего футбольного мира. И если он слишком поспешно касался вершины своей мечты, то начинал всё заново. Выдумывал путь длиннее, где на протяжении всего сезона он демонстрировал исключительную результативность, забивая и ассистируя в каждом матче, после чего большие клубы заваливали его предложениями. Ничто так не пленило его ум, как эти мечтания. Он предавался им каждую ночь, сладострастно смакуя игровые эпизоды, где он оказывался главной фигурой, волшебником, творившим на поле чудеса; и грёзы эти плавно перетекали в сон, продолжая жить уже где-то за пределами его мысли.

III

На следующий день Андрей сидел в кабинете у врача, в мельчайших подробностях излагая историю своей травмы. Немолодой врач с худым лицом, больше походившим на лицо учёного, слушал и одновременно через очки разглядывал на мониторе снимки, время от времени через нос издавая: «угу-угу», – чем раздражал Андрея. Затем на кушетке он осмотрел его ногу, вертя её во все стороны с вопросами: «Так болит? а так? угу... Где давяю или как бы внутри? угу-угу»; после чего снова обратился к снимкам. Андрей вернулся на стул.

– Итак, не будем рассуждать сейчас, что и как тебе тут прооперировали, – начал наконец врач, – тем более, как мне известно, хирург этот сам сейчас тяжело болен, собственно, поэтому клуб и направил тебя ко мне.

Андрей кивнул.

– Скажу только, что мы имеем на сегодняшний день, – продолжал он, повернув монитор к Андрею. – Есть значительное повреждение связки надколенника, вот тут это хорошо видно, – он указал место на экране. – От чего, полагаю, сам надколенник несколько сместился вверх, а уже это в условиях постоянных нагрузок стало причиной разрушения хрящевой ткани. Так же вот здесь наблюдается... – И он описал ещё что-то медицинскими терминами, что то-то указывает на то-то, а это влечёт за собой это и это. И, закончив, по-видимому, довольный своим выступлением, он в ожидании взглянул на Андрея, словно предоставляя ему очередь поаплодировать этой блестящей постановке диагноза.

– И что нужно делать, сколько я пропущу? когда смогу вернуться к тренировкам? – нетерпеливо спросил Андрей.

– Я полагаю тут снова нужно лезть внутрь: шить связку, низводить надколенник, с хрящом тоже... Поэтому до тренировок тут далеко. Но операция... здесь у нас не сделают. Тут нужен узкий специалист: спорт, колени, – уже имевший опыт с подобными травмами. Реабилитация тоже особая... Вот как мы сделаем, – после минутной задумчивости сказал он, – я сейчас отправлю снимки знакомому хирургу, он оперирует в Москве в этой... известной клинике, забыл название. Они там спортсменов на ноги ставят, думаю, и не такие колени воскрешали. В общем, послушаю, что он скажет, и после с тобой свяжусь. Или при необходимости он сам, если что, позвонит тебе.

Врач договорил, и Андрей ещё с минуту растерянно смотрел на него, словно ожидая, что тот рассмеётся и скажет, что пошутил, что колено его в порядке, но пару укольчиков и процедур всё-таки не помешают, чтобы было совсем как новое.

– В общем-то всё. Если есть... – прервал тишину врач.

– Вы позвоните, – рассеяно вставил Андрей и поднялся.

– Да. Или он сам с тобой свяжется... И, разумеется, все нагрузки сейчас категорически исключить, никаких тренировок.

Андрей вышел из больницы потрясённый, тут ещё удушливый зной, пекло подхватили его на улице, погрузив в какое-то полусознательное состояние. Он шёл, ничего не замечая кругом, в голове беспорядочно толкались мысли, перебивая одна другую: «Операция? нет, нужно пойти к другому, нужно ещё чьё-то мнение... Опять эта беготня, путаница, эти противоречивые мнения. Им же всем наплевать на меня, на мою жизнь... Это полгода, год? сколько? за что Ты это делаешь со мной?.. Может он неправильно определил, может... но всё на снимках: связка, хрящ, сместилось что-то... Что скажет этот московский? нужно подождать, что он скажет... Неужели снова операция?» – раз за разом выпрыгивал этот страшный вопрос из кучи всего остального. Андрея пугал не скальпель, невыносимым для него было предчувствие, что

он снова долгое время не сможет играть. Он испытывал то же, что испытывает человек, с которым происходит какая-то ужасная несправедливость, а он никак не может этому помешать.

В пору начала своего взросления схожее оцепенение от незнания жизни, от мирской враждебности возмутило кучу вопросов в его незрелом, наивно жаждущем правды сердце. Он жил тогда в академии среди сверстников и, не находя разрешения этих вопросов среди людей, принялся искать его в Боге. Он стал чаще молиться, посещать храм, а позднее начал изучать Библию, особенно полюбив и перечитывая по многу раз мудрые проповеди Христа и наставления апостолов из посланий. Ревностно, с юношеским нетерпением он утверждался в вере, придирчиво присматриваясь к своим мыслям, словам, повадкам, сопоставляя их с христианским учением. И если устремление к Богу, к своим истокам, к чему-то, что стоит над человеком и над всеми законами бытия – не есть самая обычная и естественная потребность человеческой души, подобно потребности тела в пище и утолении жажды, то в случае с Андреем можно предположить, что такому его устремлению способствовали некоторые впечатления из его раннего детства. Крестили его в возрасте восьми лет. Не сказать, что мама его была глубоко религиозна, ребёнком он был с ней в храме всего несколько раз в православные праздники. Но в памяти о том у него кое-что отпечаталось: радостный колокольный звон, волшебный запах ладана и свечей, грозный голос священника на фоне ангельского пения хора и множество теснящихся людей, в основном женщин и старух в платках и с какой-то покорной детскостью в лицах, которой за пределами храма у взрослых он не замечал. Ещё Андрей помнил, как когда-то перед сном заучивал с мамой молитву «Отче наш»: она произносила одну строку, и он, запинаясь, не понимая смысла, повторял за ней. «Эта молитва поможет, когда тебе будет трудно» – говорила мама. Так, постепенно в его детском сознании утвердилось представление, что кто-то большой, как всё небо, оттуда сверху за ним присматривает. И в волнительные минуты, чаще всего перед своими матчами он стал с просьбами к нему обращаться или, бывало, в отчаянных порывах детского гнева бросал своё возмущение ему наверх. Теперь, спустя годы, когда он хорошо был знаком с Писанием, каждый день молился, соблюдал пост, хранил в себе заповеди и презирал грех, Андрею казалось, что он непоколебимо стоит в вере. Ему приятно было сознавать это, приятно было, когда его религиозность замечали другие. Иные минуты даже льстили ему мыслью, что едва найдётся христианин столь же юных лет, преуспевший более него в служении Господу. И как подобает примерному христианину, в ту же секунду он каялся, укорял себя за подобные мысли, повторяя, что нет человека грешнее и ниже него. Он считал, что вера – его свет во мраке всего непонимания, всей мирской темноты, но, может быть, она служила ему только убежищем, панцирем, куда он от этого мрака прятался.

Опомнился Андрей, оказавшись у ступеней церкви. Он не помнил, направлялся ли сюда намеренно, или ноги сами приволокли его. Он вытер пот с лица, перекрестился и вошёл. Внутри он тут же ощутил на себе объятия прохлады, вернувшие ему полную ясность сознания. Кроме него в храме никого не было, только несколько лучей, проникая в окна и упираясь в пол, отстаивали свою службу. В тишине, которую прерывал скрип паркета под ногами Андрея, слышен был треск свечей. Он подошёл к иконе Христа, у которой чаще всего молился, и с негодованием проговорил: «За что Ты меня наказываешь? что я делал не так, в чём согрешил? Зачем Ты снова отнимаешь у меня то, чем я живу!» – чувства теснили ему грудь, и он остановился. На иконе, что была перед ним, Иисус, стоя на коленях, молился под ночным небом. Андрей долго всматривался в Его сокрушённый лик, исполненный великой скорби и одиночества. Потом опустил на колени и умоляюще произнёс: «Прости меня, Господи! прости грешного и ничтожного!.. Господи, пусть меня минует операция, прошу! исцели моё колено, чтобы я снова мог играть, молю, Тебя... Ты всё можешь, всё по слову Твоему. Смилуйся надо мной, Господи. Позволь продолжать делать то, что я люблю... чем живу».

Склонив вниз голову, Андрей ещё долго пробыл у иконы в молчании. В храм кто-то входил, ставил свечи, шептал молитвы, но он никого не замечал. Ему вдруг вспомнилось то место из Евангелия, где женщина, многие годы страдавшая от болезни, прикоснулась к одежде Христа и в тот же миг выздоровела. Как-то очень ясно и обыденно теперь представилась ему эта сцена, будто он сам был её свидетелем. Пыльная дорога, идущая по ней толпа народа, среди них Христос. Люди теснятся вокруг него, на лицах жадное любопытство, у других недоверие, кто-то напуган. В стороне, робея, идёт та самая женщина с измученным видом. Наконец решившись, она пробивается сквозь толпу, оказывается позади Христа, и как бы нечаянным движением руки так, чтобы никто не видел, касается рукава Его одежды. Лицо её тут же озаряется светом, и она чувствует, что выздоровела от болезни, которой мучилась много лет. С того дня, когда Андрей после операции снова почувствовал боль в колене, он почему-то стал убеждать себя и, в конце концов, убедил, что и его непременно излечит подобное чудо, – всё это время он только на него и уповал. Каждый день он просил в молитвах об исцелении, но сердечный порыв в нужде этого исцеления никогда не был так силен, как теперь. Он стоял перед иконой и думал о том чудесном прикосновении, что излечило женщину. Проникнутый религиозным чувством, он перекрестился и лбом прислонился к образу. С трепетом затаив дыхание, он простоял так несколько секунд. Потом ещё раз перекрестился, поклонился и направился к выходу.

У выхода на лавочке сидела женщина с тряпкой в руке и что-то вслух бормотала. Прихожане часто её здесь встречали и уже привыкли к её чудаковатости, все принимали её за юродивую. Увидев Андрея, она, кивая головой, стала как-то блаженно ему улыбаться, вместе с жалостью вызвав в нём чувство вины. В ответ он сказал ей «здравствуйте», и вышел. Уже отойдя от храма шагов на тридцать, он в замешательстве остановился и повернул назад к храму. Ещё находясь внутри, он хотел дать ей милостыню, но вспомнил, что мелочи у него нет, а только одна бумажная купюра. Вернувшись, он сунул её ей в руку, и та, заулыбавшись ещё блаженней, чуть ли не кланяясь, стала неразборчиво что-то повторять. Андрей покивал и торопливо ушёл.

«Зачем ей деньги, идиот! всё равно отберёт кто-нибудь... – ругался он на себя по дороге. – У самого даже на проезд не осталось, опять по этой жаре пешком тащиться... Ай!» – плюнул он на всё и, пытаясь ни о чём не думать, вяло побрёл домой.

Вымотанный жарой и тревожными мыслями, дома он повалился на кровать и тут же уснул.

IV

Спал он долгим глубоким сном. И когда проснулся, сразу же бросился на ощупь искать телефон, испугавшись, что проспал звонок от врача. Пропущенных не было, шёл второй час ночи. Настроение его было поганое, внутри сидело что-то гнетущее, неразрешённое. Он опустился обратно на подушку, согнул ногу и с усилием надавил пяткой на постель в надежде, что мольбы его были услышаны, и во время сна колено чудом излечилось, и боли в нём больше нет. Он проделывал это всякий раз после пробуждения, скорее уже рефлекторно, по привычке. И вновь ощутив её гнусное присутствие, он ухмыльнулся своей наивности.

Спать ему уже не хотелось, мысли зашевелились в его голове. Откуда-то с улицы доносился жалобный собачий лай. Андрей стал думать о том, что говорил ему врач. Клиника в Москве, о которой тот упомянул, была ему знакома, где-то он про неё слышал или читал. И про себя он уже окончательно решил, что не станет снова бегать от одного лекаря к другому, а сразу последует рекомендациям того московского: «где ещё, если не там, знают, как починить моё колено» – рассудил он. Но тут возникало одно неизбежное затруднение, неудобная мысль, которая мелькнула в его голове ещё в кабинете врача и, притаившись где-то в подсознании, всё это время ожидала его внимания: известная, статусная клиника в столице, – определённо, услуги её не дешёвы и, если потребуется операция, он понятия не имел, где ему взять такие деньги. Его контракт с клубом истекал по окончании сезона, то есть через неделю, и относительно этого обстоятельства Андрею удалось унять свою наивность и оценить собственное положение благоразумно. Он понимал, что поломанный он никому не нужен, и клуб не станет продлевать с ним контракт, снова оплачивать его лечение и ждать неизвестно сколько его возвращения на поле. Он принимал это как должное, без истерики, потому что уже наблюдал подобный исход, касавшийся других игроков. К тому же, пропустив из-за травмы почти весь сезон и не сумев должным образом помочь команде, он испытывал чувство вины перед клубом и сам считал, что не заслуживает контракта.

Ему теперь припомнилось время, когда он приобрёл этот вожеленный статус профессионального футболиста. Он тогда только выпустился из академии и, вернувшись домой в свой маленький, ничем не примечательный городок, провёл несколько тренировок с местной командой, впечатлив тренера, как тот сам выразился: уважительным обращением с мячом и умением тонко сыграть в атаке. Уже через пару недель в офисе клуба, в столь же роскошно, сколь безвкусно обставленном кабинете, за длинным бордовым столом Андрей сидел напротив директора зрелого возраста и тренера (ранее уже представленного). Директор с присущей его положению важностью высказывал ему своё удовольствие относительно того, что его профессиональная карьера начинается в их клубе, подчеркнув, что они видят в нём игрока исключительного таланта и не сомневаются, что он вырастет в большого футболиста. «Если будет правильно относиться к делу – несомненно!» – подтвердил тренер. Затем, знакомясь с условиями договора, Андрей дошёл до пункта о заработной плате и испытал сильную неловкость: «Мне будут платить за то, что я исполняю свою мечту» – смущённо подумал он. Было в этом, как ему казалось, что-то оскверняющее его любовь и преданность футболу, и если бы он не постеснялся в ту минуту выглядеть дураком, то возможно потребовал бы исключить этот пункт. Впрочем, зарплата в контракте была прописана ничтожная, минимальная, как и у всех юных игроков команды, что несколько оправдывало его перед совестью. Он поставил свои подписи, и в заключение тренер в свойственной ему выразительной манере произнёс назидательную речь, которую Андрей запомнил почти дословно.

«Послушай, Андрей, в команде ты самый юный, но раз и навсегда должен уяснить, что на поле у игроков нет возраста... семнадцать, сорок – наплевать! там все равны! И всюду принято говорить о технике, о скорости, о дриблинге – всё это важно, конечно, но есть ещё одна

вещь, без которой футболисту нечего делать на поле... Яйца! – убеждал он, широко открыв глаза, и, сжав кулак, на последней фразе. Директор, замявшись, поправил на столе бумаги. Андрей жадно ловил каждое слово тренера, каждый его жест.

– Понимаешь, о чём я? – продолжал тот. – Если не способен послать к чёрту все страхи, свою неуверенность, то на этом всё, конец! нет футболиста! меняй бутсы на галстук и ищи другую профессию. (Директор нечаянным движением поправил свой зелёный галстук). Потому что футбол не выносит трусов, рано или поздно он их выплёвывает. И если хочешь идти дальше, хочешь играть там, – он указал пальцем вверх и следом им же стал стучать по столу, – каждую тренировку выжимай себя до последней капли, каждый божий день доказывай этой великой игре, что достоин быть её частью. – Он остановился, позволив тишине проводить свои слова к сердцу Андрея. Затем уже без прежней пылкости спокойно добавил: – И не стоит забывать с чего мы все начинали: как детьми гоняли мяч во дворе... те подлинные детские чувства, эмоции, что дарил нам футбол. За это мы его и полюбили, за этим всякий раз и должны выходить на поле».

Процедура завершилась знаменательным рукопожатием сторон. Когда Андрей вышел на улицу, слёзы выступили на его глазах, и он с благодарностью перекрестился.

Тот день показался ему теперь таким близким, но громадная пропасть разделяла его тогдашний полёт души от теперешнего почти отчаяния. Он с горьким чувством подумал: «что я вообще есть без футбола... что ещё могу, на что гожусь», – и это звучало в его голове как приговор, а не как вопросы.

Вся его скудная зарплата уходила на бытовые нужды и препараты для колена, и имеющих в настоящее время денег, едва хватило бы на перелёт до Москвы, но это были копейки в сравнении с суммой, которая потребуется на операцию. «Кредит? – спрашивал он себя. – А чем выплачивать? Неизвестно, когда я снова смогу играть, когда устроюсь в команду... Да и кто мне его даст!» Мама работала акушеркой в местном роддоме и зарабатывала мало, Кириллу хватало своих финансовых забот: ипотека, кредит на машину. Да и не взял бы Андрей от кого-либо деньги, вынашивая в себе какое-то чувство обиды, посеянное всеобщим бессочувствием, непризнанием его одержимой привязанности к футболу.

До утра он просидел на кровати в раздумьях. Во сне мама была очень чувствительна и просыпалась от любого шороха, поэтому с комнаты он не выходил, избегая возможной с ней встречи. Несколько раз он брался за Библию, но на первой же странице мысли уводили его куда-то в сторону, и он откладывал книгу.

V

За окном было уже светло. Перед работой в комнату к нему заглянула мама, Андрей, отвернувшись к стене, притворился, что спит. Она какое-то время постояла у двери и тихо ушла. Наступивший день, каждая его минута была для Андрея мучительным ожиданием приговора. Он то неподвижно сидел с отсутствующим видом, глядя в одну точку, словно мысль его прекратилась, то нервно начинал ходить по комнате из угла в угол, а вместе с ним и весь круговорот его мыслей: четыре шага в одну сторону, четыре обратно, постоянно поглядывая на телефон. Весь день он ничего не ел, и только одна чашка чая сменяла другую.

Наконец к вечеру позвонил врач из Москвы. Говорил он быстро, не останавливаясь, всей своей интонацией требуя, не задавать ему излишних вопросов, так как времени на это у него нет. Он с убедительной ясностью дал понять Андрею, что если он хочет продолжать играть, то операция необходима, если же пренебречь этим и продолжать играть с лукавой помощью обезболивающих, то по тем-то и тем-то признакам ситуация будет стремительно ухудшаться, и скоро колено придёт в негодное для футбола состояние. Далее он подробно обрисовал хирургические манипуляции, которые необходимо выполнить: где что нужно подшить, что куда сместить и т. д. и т. д., и в заключение речь его скованно коснулась стоимости такой работы. В ответ Андрей только сказал, что ему потребуется определённый срок, чтобы собрать такую сумму.

Разговор этот не произвёл в нём какого-то особого смятения. Где-то в глубине, какая-то неизведанная часть человеческого естества – та, что безошибочно отличает подлинное и угадывает грядущее, но почти всегда заслонена рассудком, – эта часть Андрея уже давно преугадала траекторию шагов судьбы его; но и рассудок не бездельничал, в эти два дня проведя несколько томов собственных мыслей, в попытках примирить его с возможными исходами положения, в котором он оказался.

На часах было уже около шести и, решив, что он ещё успеет застать кого-нибудь из руководства, Андрей немедленно поехал на стадион, где размещался офис клуба. Он хотел знать, верны ли его домыслы относительно продления контракта, и, конечно, в нём ещё таилась какая-то призрачная надежда, что его оставят в команде.

Но призрак этот мгновенно померк, как только он заглянул директору клуба в глаза. Тому, каким-то образом, было уже известно, что Андрею снова требуется операция, но, из только ему одному известных соображений, он всё же задал несколько уточняющих вопросов, ответы на которые в действительности его мало интересовали. Затем заученными, уже не раз произносимыми им фразами, он стал говорить о непростых нынешних временах в жизни клуба, их затруднительном финансовом положении и прочих обстоятельствах, что несут ответственность за то, почему Андрею не предложат новый контракт; и в завершение выразил абсолютную убеждённость, что, оправившись от травмы, Андрей ещё добьётся больших футбольных высот. В общем, он говорил всё то, что обыкновенно произносится в подобных случаях подобными же особами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.